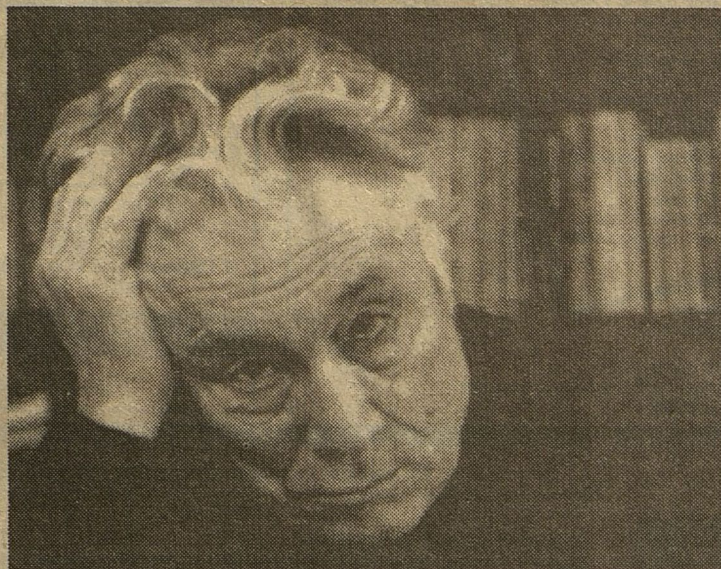

Таким мы его и помним

Когда Юрий Нагибин впервые пришел в нашу редакцию, у нас был некоторый переполох. Все-таки живой классик, а тут и апартаменты не те, и чай, неизвестно — понравится ли... Но страхи оказались напрасными.

Наверное, только после смерти Юрия Марковича мы по-настоящему поняли и по-настоящему оценили, как нам в свое время повезло. Повезло, что он тогда, осенью 91-го, поверил в еще только начинающуюся, никому не известную газету. Он был с нами с первых номеров "Вечернего клуба" и до последних дней своей жизни. За день до его смерти я разговаривал с ним по телефону. Советовался по поводу комментария к ситуации в Союзе писателей. Он обещал перезвонить завтра...

Имя Юрия Нагибина в списке членов общественного совета "ВК" звучало как одно из самых громких, но он никогда не играл роль "свадебного генерала". Часто бывал в редакции, пил с нами тот самый чай, советовал, критиковал, спорил, но никогда никого не подавлял своим авторитетом, всегда был по-дружески прост и общителен.

Многие свои работы Юрий Маркович отдавал для первой публикации нам. Читатели, конечно, помнят его циклы "Московские гнезда", "Московские антики", "Золото Москвы", "Всполошный звон". И когда на истоке первого года существования газеты мы учредили премии "ВК", то, естественно, среди лауреатов был и Юрий Маркович. Обладатель престижных литературных наград, он искренне порадовался этому. И пригласил всех к себе на пироги. В подмосковных Ватулиных у пылающего камина под новогодней нагибинской елкой и состоялся торжественный акт вручения первых премий нашей газеты. Потом лауреаты сфотографировались на память (этот снимок мы повторяем сегодня на 1-й странице) и ответили на полушутливые, полусерьезные вопросы лауреатской анкеты. Последним отвечал Юрий Маркович: "Тоже коренной москвич. По рождению и самоощущению. А образование? Незаконченное высшее — война, контузия... Все, что я хотел бы сказать людям, я говорю своими книгами, телепередачами, статьями. В них — моя жизнь, моя надежда на лучшее..."

Таким мы его и помним — нашего Юрия Марковича Нагибина, большого писателя, стоявшего у истоков "Вечернего клуба".

Валерий ЕВСЕЕВ.

Юрий НАГИБИН

Век. ксуд. - 1995. - 4 апр. - с. 3.

Дары волхвов

Отрывок из сценария

Юрий Нагибин писал прозу почти осязаемую. Может, именно поэтому так удавались ему кино-сценарии. Как киносценарист он вписан в историю нашего искусства отдельной золотой строкой. Но один сценарий так и пролежал в столе. На библейскую тему — "Волхвы". Его заказал итальянский режиссер и актер Энцо Декаро. "Мне что-то засветило в мутной псевдобиблейской истории, затем я как-то разом увидел сценарий и ужасно захотел написать его", — вспоминал Юрий Маркович.

Заказчик оказался подозрительным. Съёмки в пустыне почему-то возлагались на латышей, равно как и поставка верблюдов. Нагибин переориентировал Декаро на Туркмению, где итальянский авантюрист вдоволь наелся дынь и разбил немало женских сердец. А потом пропал с концами. Остался только сценарий. О долгом путешествии королей-мудрецов Мельхиора, Бальтазара и Гаспара, растерявших в пустыне свои богатые дары, в город Вифлеем, указанный необыкновенной звездой, на поклонение Богомладенцу.

Волхвов — представителей священной касты — называли еще жрецами, учеными, астрономами, пророками, учеными мужами. Факт ли их поход в Вифлеем? Возможно, библейская аллегория, призванная подчеркнуть участие язычников в Рождественских событиях. Или — еще глубже: показать, что наука и философия только тогда приобретают свое историческое значение, когда они смиренно склоняются к ногам Спасителя. Судя по сценарию, фрагмент которого мы сегодня публикуем, Нагибину близка была эта мысль.

Сияет на небе Вифлеемская звезда.

Три короля вступили в город. За последние дни они еще больше поизносились, обхуляли, почернели от жгучего солнца (последнее не касалось Гаспара, его темная кожа скорее посветлела).

Чем ближе к месту назначения они подходят, тем ниже опускается Звезда к заветному жилью.

И вот она стоит над соломенной кровлей бедной хижинки.

Кругом все спало: дома, деревья, кусты, но в этой хижине из-за неплотно притворенной двери пробивался свет.

Короли переглянулись. Их глаза тревожно блеснули в темноте. Не так рисовался им приход к Мессии. Где пышная свита, тяжело груженные верблюды, статные кони, где золото и драгоценные камни, где достоинство сильных, богатых и мудрых? Все это можно прочесть на их растерянных лицах. Наконец Мельхиор робко постучался, вернее, поскребся в дверь...

В доме действительно не спали. Мария кормила грудью сына, а плотник Иосиф ошкуривал деревянную плашку. Удивленный поздними визитерами, Иосиф, вместо того чтобы просто крикнуть "Заходите!", пошел и открыл незапертую дверь. Увидев пришельцев, он решил, что это нищие, и сказал:

— Мы не подаем. В доме шаром покати.

— Мы не просим, — робко сказал Мельхиор.

— Так кто же вы?

Мария услышала шебуршню возле двери и спросила мужа:

— Иосиф, кто там?

— Побирušки. — Иосиф усмехнулся. — Они называют себя королями.

— Бедные люди! — вздохнула Мария. — Сколько

раз ни повторяй слово "мед", во рту слаще не будет. Величай себя хоть императором, дырок на платье не уменьшится. Пусть войдут. Дай им оливок и ключевой воды.

— Входите, небого, — сказал Иосиф.

Короли вошли и замерли на пороге — на них, отвернувшись от материнской груди, сознательным и серьезным взглядом темных чистых глаз глядел двухнедельный младенец. И этот пронизывающий взгляд бросил их на колени.

Они позли к ложу Марии, перестав быть королями, забыв про все свои амбиции, потери, неудачи, страдания долгого пути, тяжелые разочарования, ибо все состоялось: они увидели Его...

Мазаччо. Поклонение волхвов.

По их изможденным и прекрасным любовью и смирением лицам катились сладкие слезы.

Мария посмотрела на мужа и покрутила пальцем возле виска, мол, помешанные.

Иосиф насыпал горшучку оливок на стол, поставил жбанчик с водой, три глиняные чашки и позвал убогих к столу. Но они не заметили его приглашающего жеста, как, вроде, не заметили и самого хозяина дома.

Их глаза были прикованы к новорожденному и его простодушной Матери.

А потом они отползли к порогу, поклонились лбами в земляной пол, поднялись и тихо вышли, не осмелившись преподнести свои скромные дары, просто оставив их на полу, возле ложа Марии.

Но не стоит их жалеть. Они пустились в путь королями-кудесниками, пришли нищими, назад отправились носителями света Божьего...

Иосиф нагнал их за порогом и почти насильно насыпал оливок в карманы, а Мельхиору, как самому старому и несчастному, всучил медный грошик с дыркой посредине.

— Карман-то не дырявый? — заботливо спросил Иосиф. — Сырку козьего купишь, похустеришь его деснами. — И скрылся в доме.

— Какие странные люди к нам приходят, — сказала Мария, помогая пальцами лучшему току молока в розовый зев сына. — Они ведут себя так, будто сроду не видели новорожденных.

Иосиф наступил на дары, оставленные королями. Он подобрал их с пола.

— Золотая цепочка, — произнес удивленно.

Понюхал пузырек.

— Ладан. Да какой духовитый!

Открыл коробочку, погрузил в нее мизинец.

— Мирро. Откуда все это у нищих?

— Наверное, краденое, — высказала предположение Мария. — Надо скорее избавиться от их данайских даров. — Мария сильно встревожена.

Она вновь склонилась над сыном, а Иосиф вернулся к прерванной работе.

— Знаешь что, Иосиф, — через мгновение сказала Мария. — Выбрось это сейчас.

Иосиф завернул дары волхвов в тряпицу и вышел из дома...